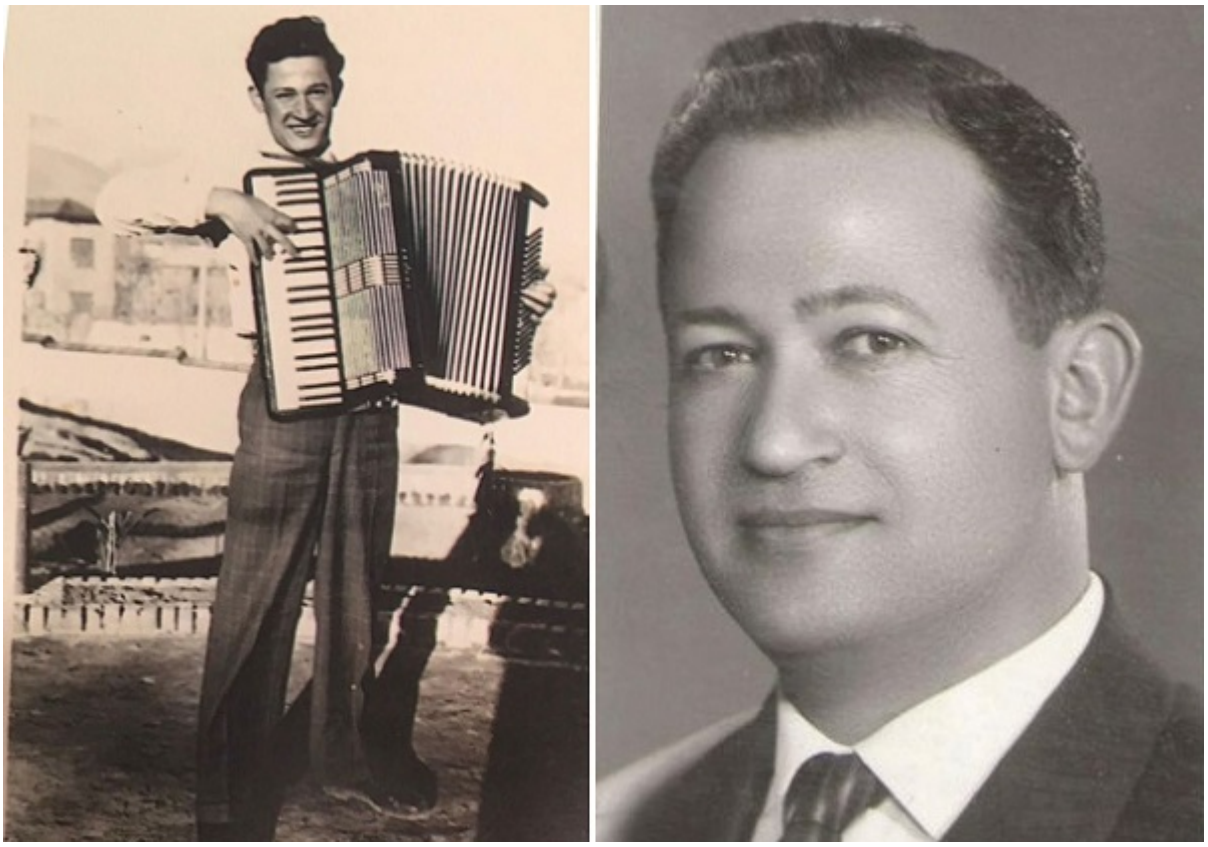
Госдеп США почтил память известного бизнесмена-еврея, казненного в Иране 40 лет назад

Альберт Даниэльпур в юности и в зрелые годы

Сейчас в это сложно поверить, но в 1970-е в Иране проживала самая большая еврейская община на Ближнем Востоке за пределами Израиля — примерно 80 тысяч человек. Что касается ирано-израильских отношений, то до Исламской революции они считались образцовыми, вплоть до того, что в разгар войны Судного дня Тегеран передал еврейскому государству 25 самолетов «Фантом».

Все изменилось в начале 1979-го, когда к власти пришел аятолла Хомейни. В стране началась кампания террора, жертвами которой стали десятки евреев. Первым по обвинению в сионистской деятельности был казнен глава

еврейской общины, крупный бизнесмен Хабиб Элганиан. Потом настал черед крупного промышленника Альберта Даниэльпура, вдова которого — Хильда Хэй, живущая ныне в Лос-Анджелесе, лишь сейчас решилась рассказать об истории семьи.

Их жизнь в Тегеране до Исламской революции была исключительно благополучной. 51-летний Альберт владел многочисленными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, а его щедрость как филантропа выходила далеко за рамки еврейской общины. Иногда он лично оплачивал обучение детей своих рабочих.

В феврале 1979 года режим аятолл арестовал Даниэльпура, объявив его «врагом государства». После пяти месяцев проведенных в тюрьме, бизнесмен передал властям свои предприятия и активы в качестве залога, и был освобожден. «Мой муж был профессиональным адвокатом, — поясняет Хэй в интервью Forward. — И полагал, что новые лидеры в конечном итоге будет следовать каким-то законам». По словам вдовы, он не хотел покидать Иран и подчеркивал, что не сделал ничего дурного, чтобы быть арестованным.

«Антиимпериалистический» митинг в Тегеране, 1979

Исламисты, однако, считали иначе. В январе 1980 года Альберт снова был задержан во время посещения одного из своих заводов и обвинен в шпионаже в пользу сионистов, «сосущих кровь нации». Сначала его бросили в печально известную тюрьму для политических заключенных Эвин (прозванную «Университет Эвин» из-за содержавшихся там интеллектуалов), а затем перевели в Хамадан на западе страны. В обеих тюрьмах узника подвергали физическим и психологическим пыткам.

Сын бизнесмена — Давар, которому сейчас 45 лет, помнит визит к отцу в тюрьму Хамадана. «Мне было всего пять лет, но я видел отца в последний раз, — говорит Давар. — Он выглядел, словно после пыток, и знал, что может быть казнен».

В попытках освободить мужа Хэй даже встретилась с одной из дочерей Хомейни, но безуспешно. Вскоре с ней связалась Рут Блау — француженка, участница Сопротивления, после войны принявшая иудаизм и ставшая женой раввина Амрама Блау — одного из лидеров антисионистской ортодоксии. Рут дважды встречалась с Хомейни и предложила помощь в освобождении Альберта, вероятно, пытаясь набрать политические очки для антисионистской секты Нетурей Карта.

Как бы то ни было, Хэй удалось получить письменное распоряжение будущего главного судьи Исламского революционного суда аятоллы Мухаммеда Гилани не казнить Даниэльпура, а вернуть его в Тегеран для надлежащего разбирательства. В тот же день она лично отвезла документ в тюрьму Хамадана и немного успокоилась, полагая, что худшее уже позади…

Однако спустя несколько дней в Хамадан прибыл аятолла Садек Хальхали по прозвищу «судья-вешатель». После предъявления нового сфабрикованного обвинения в контрабанде опия, судьба Альберта была решена.

Хэй узнала страшную новость от родственников, услышавших о казни Даниэльпура по радио. Вскоре она уже была в помещении морга еврейского кладбища, где на столе лежало избитое и окровавленное тело мужа.

«Той ночью я стала молодой вдовой, — говорит женщина. — Мои маленькие дети — пяти, семи и девяти лет — потеряли отца, и превратились в нищих, когда режим Хомейни конфисковал все наше имущество». После казни Альберта фонд Мостазафана, находившийся в управлении аятоллы Хаменеи и связанный с Корпусом стражей исламской революции, «национализировал» все личные и деловые активы еврейского бизнесмена, оцениваемые почти в 300 миллионов долларов. Официально деньги должны были поступать ветеранам ирано-иракской войны, на деле же они оседали на счетах Верховного лидера, и шли на финансирование террористических групп.

По сей день некоторые еврейские активисты — выходцы из Ирана — уверены, что за убийством Даниэльпура стоят его влиятельные конкуренты-мусульмане. Именно они могли использовать судью Хальхали, штамповавшего смертные приговоры опиумным контрабандистам, вовремя подсунув «вешателю» удобную жертву. Судью, кстати, впоследствии отстранили от должности, обвинив в присвоении $14 миллионов, полученных в результате конфискаций у осужденных.

Буквально через месяц после казни Даниэльпура режим расправился с еще одним бизнесменом-евреем — 30-летним Эбрагимом Берухимом, владевшим отелем в Тегеране.

«Работает расстрельная команда», фото: Jahangir Razmi, 1979

Что касается жены и детей Альберта, то их изгнали из роскошного дома в Тегеране, и некоторое время семья ютилась в небольшой квартирке на окраине города. В конце концов, им удалось перебраться в США и осесть в Лос-Анджелесе.

В годовщину смерти Альберта пресс-секретарь Государственного департамента Морган Ортагус написала твит о казни Даниэльпура иранским режимом 40 лет назад, осудив «все нападения и убийства на почве религии».

За кадром осталось то, что до 1983 года было казнено еще десять лидеров иранского еврейства и конфисковано еврейское имущество на сумму примерно в миллиард долларов. На сегодняшний день в Иране остались от 5 000 до 8 000 евреев. Физическая безопасность общины закреплена специальной фетвой аятоллы Хомейни, а дискриминация, в условиях которой живут религиозные меньшинства (евреи, христиане и зороастрийцы) делает их, по меткому высказыванию одного публициста, хорошо защищенными гражданами второго сорта. Евреи, например, не могут стать судьями любого уровня. Более того, кисас, то есть правосудие для всех на равной основе,

согласно уголовному кодексу, не распространяется на евреев. Например, если еврей убивает мусульманина, семья убитого может потребовать казни преступника. В обратном случае родственники убитого еврея этого права лишены.

Разумеется, иранские евреи вынуждены демонстрировать абсолютную лояльность режиму, проклиная «сионистское образование» и всячески дистанцируясь от Израиля. Любой благожелательный взгляд в сторону еврейского государства может стать поводом для обвинения в шпионаже. Впрочем, это уже совсем другая, но оттого не менее печальная история.

Александр Файнштейн